

Н. Марковин

**Очерк истории запорожского
казачества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Марковин**
Очерк истории запорожского казачества / Н. Марковин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 82 с.

ISBN 978-5-4241-9104-6

ISBN 978-5-4241-9104-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Какъ первоначальнымъ происхожденіемъ своимъ, такъ и позднѣйшимъ существованіемъ Запорожское казачество обязано *наплывамъ* на низовья Днѣпра (за пороги) Малороссіянъ, продолжавшимся время отъ времени чрезъ всю исторію Запорожья, и постояннымъ *выходцамъ* изъ тѣхъ же Малороссіянъ и изъ людей всѣхъ націй, даже турокъ и жидовъ, принявшихъ православную вѣру. Не смотря однакожь на постоянную почти перемѣну личностей, составляющихъ Запорожскую общину, духъ Запорожья съ начала существованія общины сохранился во всю послѣдующую ея исторію. Поэтому для насъ имѣетъ важное значеніе вопросъ о причинахъ, которыя побуждали выходить на Запорожье цѣлыя толпы и отдѣльныя личности, такъ какъ разрѣшеніе его можетъ способствовать пониманію идеи, какою руководились Запорожцы, рѣшаясь основаться на низовьяхъ Днѣпра. „Первоначально и преимущественно, говоритъ С. М. Соловьевъ, казакъ человекъ бездомный, изгнанникъ изъ общества, человекъ, которому тѣсно, тяжело въ обществѣ при извѣстныхъ условіяхъ... казакъ искалъ чрезъ бѣгство изъ общества только личной свободы, онъ являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ, младенческимъ взглядомъ на общественныя отношенія, къ какому приурочила его прежняя среда частной зависимости; онъ бѣжалъ въ степь вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ труду: онъ бѣжалъ для того,

чтобы быть вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ, ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужицества; вольный казакъ, молодець, вовсе не хотѣлъ работать, или хотѣлъ работать какъ можно меньше, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда“. Запорожское казачество образовалось именно изъ такихъ людей, недовольныхъ современнымъ порядкомъ дѣлъ въ государствѣ. Производя Малороссійскихъ казаковъ отъ инородцевъ, полукочевыхъ и полуосѣдлыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ (Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турнѣевъ), тождественныхъ съ названіемъ Черкасъ, г. Соловьевъ прибавляетъ, что „къ этому зерну присоединились многочисленныя толпы казаковъ чисто русскаго происхожденія“. Далѣе, раздѣляя малороссійское казачество на городовое и степное, или низовое, о послѣднемъ онъ говоритъ: „всѣ удалыя и безпокойныя головы, всѣ, имѣвшіе причины враждовать съ правительствомъ, стремились въ степное Запорожье: здѣсь-то вспыхивали возстанія и разливались по всей Украйнѣ, отсюда являлись вожди этихъ возстаній“ ¹⁾. Таковъ чисто теоретическій взглядъ г. Соловьева на происхожденіе Запорожскаго казачества. Впрочемъ очевидно, что Запорожскихъ казаковъ онъ производитъ отъ тѣхъ же инородцевъ, отъ которыхъ произошли Малороссійскіе казаки, носящіе названіе Черкасъ. Это первоначальное общество, поселившееся на низовьяхъ (ниже пороговъ) Днѣпра, онъ только дополняетъ выходцами изъ Россіи и притомъ такими выходцами, которые больше всего могли причинить вредъ государству, еслибы оставались внутри его ²⁾. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи причину выселенія на низовья Днѣпра полагаетъ въ боязни „чуждой (польской) власти“ и татарскаго порабощенія ³⁾. Тоже самое въ сущности говоритъ и Н. И. Костомаровъ. «Вначалѣ казацкое общество образовалось, говоритъ онъ, изъ бѣглецовъ, нехотѣвшихъ терпѣть новаго устройства по образцу польскому“. „Число бѣглецовъ,

¹⁾ Малороссійское казачество до Хмельницкаго. Р. Вѣстн. 1859 г. IX кн.

²⁾ Ibid. стр. 177.

³⁾ Ригельмана, Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, кн. 1.

говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, умножалось молодцами, которые уходили въ степи драться съ татарами*. А драться съ татарами нужно было для того, чтобы не оказаться въ необходимости признать ихъ господство надъ собою: „простой народъ, говоритъ г. Маркевичъ по всей вѣроятности о времени послѣ втораго татарскаго нашествія на Кіевъ, остался подъ промъ завоевателей, и только горсть скитальцевъ безпріютныхъ, но не поддавшихся подъ власть ханскую, удалились съ пепелищъ своей родины на Днѣпровскіе острова, защищенные непроходимыми тростниковыми и никѣмъ незаселенные. Тамъ, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, они тревожили набѣгами враговъ вѣры и отечества“¹⁾. Наконецъ г. Симоновскій, установивши фактъ, что многіе бѣжали отъ притѣсненій и выселились внизъ по Днѣпру вслѣдствіе литовскаго завоеванія, продолжаетъ: „колонизація не прекращалась, когда водворялось крѣпостное право“. Не будетъ лишнимъ также привести и слова г. Щебальскаго, который говоритъ, что казаковъ собирали: татарское нашествіе, унія и прикѣпленіе крестьянъ.

Всѣ приведенныя нами мнѣнія, не находясь во взаимномъ противорѣчій, согласны и въ томъ, что первоначально Запорожье образовалось изъ Малороссіянъ, или Малороссійскихъ казаковъ. Потому намъ нѣтъ никакой причины не соглашаться и съ г. Скальковскимъ, что „произвольное стремленіе къ войску, оставленіе домашняго крова (лѣсовъ Волинскихъ, богатыхъ сель и пажитей Украины), переселеніе съ верховьевъ Днѣпра для того, чтобы въ безлюдной степи или въ низовьяхъ Днѣпра соорудить живую, вѣчно бодрствующую, ограду противъ мусульманскаго владычества, не могло быть дѣломъ случайнымъ“,²⁾ потому что оставленіе родины, исканіе счастья въ чужихъ краяхъ, жизнь, исполненная тревогъ и опасностей,—все это не можетъ имѣть особенной привлекательности и не сильно заставить покинуть родныя мѣста. Но съ другой стороны мы не видимъ никакихъ

¹⁾ Исторія Малороссіи, ч. 1 стр. 9.

²⁾ Исторія Новой Сѣчи, ч. 1, стр. 26.

причинъ и употреблять всѣ усилія, вмѣстѣ съ г. Скальковскимъ, на то, чтобъ доказывать несуществующее орденское (на подобіе западно-рыцарскихъ орденовъ) устройство Запорожской общины.

Выходу изъ государства, по нашему мнѣнію, всего болѣе можетъ способствовать жажда свободы—личной независимости, и особенно жажда свободы въ такихъ людяхъ, которые несправедливо терпятъ притѣсненія. Если это такъ, то разорвавъ связь съ государствомъ, не терпя нововведеній Польскихъ или не желая имѣть надъ собою контроля королевскаго, не вынося притѣсненій и порабощенія—не имѣли ли въ виду Запорожцы жить на полной свободѣ, не признавая надъ собою никакой посторонней власти внѣ ихъ общества,—не руководились ли эти люди, поселившіеся на удобномъ для отраженія непріятеля мѣстѣ, идею самоуправленія?

I.

Требованія отъ вступающихъ въ Запорожскую общину.

Въ Запорожскую Сѣчь—главный лагерь, какъ бы столицу и центръ ихъ общества—могъ приходиться всякій, желающій сдѣлаться казакомъ и вступать въ эту общину наравнѣ съ другими казаками. „У насъ отгакъ, батькови дити, діялось: коли зажелавъ, ступай до насъ“. „Въ Запорѣжжі було... прїидь, ратище встроймі, янчарку повись, та й лежі собі хочь три мѣсяци, пій и ижь готѣве. Тилько встань, Бѣгу помолїсь; коли є гроши, иди въ корчму—горялку пій. А якъ же скаже хто: „Дурно хлѣбъ иси“, то казаки такъ и нападутъ: „а ты вже закозаковався, сакій — такій сїну„! Какъ свободно можно было приходиться въ Запорожскую общину, такъ точно можно было и выходить изъ нея. Наскучившій или нехотѣвшій болѣе жить въ Запорожьѣ могъ итти куда ему угодно, и потомъ вновь вступать въ то же общество; — и это не вмѣнялось ему въ вину и не могло служить укоромъ. Отъ желающаго вступить въ Запорожскую общину требовались только: исповѣданіе православной—Греческой вѣры и холостая жизнь;

иногда впрочемъ нѣчто въ родѣ маленькаго искуса, весьма оригинальнаго.

Исповѣданіе православной вѣры и неженатая жизнь на Запорожьѣ были нѣчто въ родѣ обѣта, который Запорожець свято долженъ былъ соблюдать до тѣхъ поръ, пока онъ принадлежалъ къ «товариству» (мы уже сказали, что изъ Запорожья совершенно свободно можно было уходить); женщинамъ не дозволялось даже быть въ Сѣчи: „а вже въ Сичъ баба не ході. Хоть-бы сестра, хоть-бы ридна мати—не пустять“. „Оны казаки живутъ въ Сѣчѣ не токмо безъ женъ, но никакого женскаго полу къ нимъ ходить не позволяется“. Только неженатый, при исповѣданіи православной вѣры, имѣлъ равное право съ товариствомъ и могъ быть выбранъ въ старшину.—Какія же причины вызвали эти требованія?

Казаки, или люди, вступающіе въ Запорожское казачество, находились среди двухъ исповѣданій христіанскихъ—Православнаго и Католическаго (говоримъ о первоначальныхъ поселенцахъ на низовьяхъ Днѣпра, состоящихъ исключительно изъ Малороссіянъ съ малою примѣсю шляхтичей, раздѣлявшихъ одинаковую участь съ ними); мы не упоминаемъ про магометанъ Турокъ и Монголовъ, вскорѣ послѣ покоренія Руси принявшихъ магометанство, потому, что магометанство въ глазахъ простаго человѣка, едва ли знающаго самныя основныя догматы Православія, было „бусурманство“, а басурманннъ равнялся самому мерзкому предмету,—былъ хуже жида, который уподоблялся только собакѣ—«жидъ и собака—вѣра еднака». Какое же исповѣданіе могло быть лучшимъ въ глазахъ людей, желавшихъ себѣ свободы—Православное или Католическое? Вліяніе Католической Польши не хорошо отзывалось на народѣ малороссійскомъ; когда же появились въ Польшѣ о. іезуиты, положеніе его сдѣлалось еще хуже. А такъ какъ на простолудина больше всего дѣйствуетъ вѣщность, то онъ весьма легко могъ сопоставить и притязанія католическаго духовенства съ православнымъ духовенствомъ, которое, пользуясь добровольными приношеніями, никогда не становилось посреди дороги свободнымъ стремленіямъ народа,

не стѣсняло его своимъ авторитетомъ ни въ семьѣ, ни тѣмъ болѣе въ общественномъ положеніи, увѣщевая его только дѣйствовать по совѣсти и не злоупотребляя само ихъ совѣстію. Этотъ совершенно внѣшній взглядъ на католическую религію народъ высказалъ въ наименованіи ея „вѣрою панскою“. „Для Украины, говоритъ одинъ изъ писателей, занимавшихся исторіею Малороссіи, отстаивать православіе значило вмѣстѣ и отстаивать права народа, отстаивать его свободу, которую фактически уничтожали польскіе дворяне, занимавшіе незаселенныя ея земли“.

И такъ угнетенное находило отзывъ въ православіи;— исповѣданіе православное какъ бы гарантировало свободу Запорожцевъ,—идею, положенную въ основаніе ихъ общины. Этимъ объясняется требованіе отъ вступающаго въ Запорожье православной вѣры.—Само собою разумѣется впрочемъ, что при этомъ нельзя забывать и естественнаго религіознаго чувства, воспитаннаго въ православной вѣрѣ, требовавшаго отъ желающихъ вступить въ общину Запорожскую исповѣданія также православнаго. Скажемъ даже, что это религіозное чувство давало какъ бы законность дѣйствіямъ Запорожцевъ, особенно по отношенію къ католической Польшѣ (каковы эти отношенія мы увидимъ). Это же религіозное чувство—чувство православія—придало Запорожцамъ особенный характеръ въ борьбѣ съ мусульманствомъ. Давая имъ какъ бы нѣкоторое право, освящающее ихъ набѣги на мусульманъ, способствуя ихъ стремленіямъ къ волѣ — къ самоуправленію, оно заграждало входъ Татарамъ и Туркамъ въ христіанскія государства,—было оплотомъ противъ магометанства и Турецкаго владычества надъ Россіею и Польшею. Что бы видѣть, каковы были религіозныя понятія Запорожцевъ, скажемъ о формѣ, въ какой выражалось требованіе православной вѣры отъ вступающаго въ Запорожье. Приходящаго въ Запорожье обыкновенно приводятъ къ кошевому, который спрашиваетъ: „а вѣруешь ли въ Бога“? Приходящій отвѣчаетъ: „вѣрую“.— „И въ Богородицу вѣруешь?“— „И въ Богородицу вѣрую.“— „А ну, перекрестись“! Приходящій крестился. Этими вопро-

сами все и ограничивалось: „ну, ступай, выбирай любой курень“, заключалъ кошевой.

Въ холостой жизни Запорожцевъ г. Скальковскій видитъ сходство съ рыцарскими орденами, на основаніи котораго думаетъ назвать Запорожцевъ также орденомъ рыцарскимъ и безбрачіе включить въ число обѣтовъ, даваемыхъ западными рыцарями. Но не лучше ли въ ихъ безбрачіи видѣть ту же суровую необходимость, по которой они рѣшились основаться на низовьяхъ Днѣпра, не смотря на то, что постоянно должны были быть готовы къ войнѣ и отраженію набѣговъ сосѣднихъ ордовъ? Такъ, хотя фактически мы не можемъ показать причинъ безбрачія Запорожцевъ, но если взглянемъ на нихъ какъ на постоянное ополченіе, какъ на воинство, всегда готовое не только отразить набѣги сосѣда-хищника, но быть для него страшнымъ, преслѣдовать его въ его собственныхъ земляхъ, то не можемъ не придти къ мысли, что именно этотъ воинственный духъ и необходимость всегда быть готовыми къ бою вызвала у Запорожцевъ такое требованіе (требованіе холостой жизни). Извѣстно, семейная жизнь весьма много способствуетъ осѣдлости, изнѣживаетъ человѣка—дѣлая его мягкосердечнымъ, возбуждаетъ въ немъ привязанность не къ общему дѣлу, а семьѣ, короче: дѣлаетъ его мало способнымъ къ воинственной жизни. Разумѣется, если общее дѣло не находится въ противорѣчій съ его обязанностями къ семьѣ, а онѣ одно другое поддерживаютъ, не можетъ быть и рѣчи о вредѣ жизни семейной. Но если общество, по самому положенію своему среди хищныхъ сосѣдей, должно быть готово идти, куда заставитъ необходимость воинскаго успѣха, должно видѣть постоянно почти проливаемую неприятельскую кровь и закалить, а не умягчить характеръ, то семейная жизнь, очевидно, будетъ, вредна для него, потому что ослабитъ воинственный духъ. Нашимъ словамъ не противорѣчитъ малороссійское казачество, жившее въ семьѣ, напротивъ подтверждаетъ ихъ, если обратимъ вниманіе на отношенія казака-мужа къ своей женѣ хоть въ поэмѣ Гоголя «Тарась Бульба».

Въ одной казацкой думѣ есть такой вариантъ:

Знати, знати козацьку хату
Скризь десяту:

.
Сидить въ нїй козацька жінка, околїла,
Знати, знати козацьку жлнку,
Що всю зїму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полонникомъ дити напуває.

Когда казачька услышала казацкїй голосъ и не вышедши
казаку на встрѣчу въ дверь, отъ боязни встрѣчи съ нимъ, выле-
тѣла въ окно, какъ сизая голубка,

Тогда козакъ добре дбае
Хорошенько ии кѣлепомъ по плечахъ
• привитае
Карбачемъ по спїни заминае.

Въ другой говорится:

Миня съ жинкою не возитьця,
Тютюнъ та люлька козаку въ дорози
знадобится.

Подобныхъ думъ и пѣсень много; напр. у Чубинскаго,
т. V, ч. III, бытовья пѣсни:

Скоро козакъ зъ войска зъ охотнаго приїзджае,
То козачка неборачка до его прихожае,
Щи добрїй борщъ оскомистїй приставляе,
Живить козакивъ скрипляе.
А козакъ добре дбае—
Пугою на ии махае.

—
Оддала моя мене старая мати, поеть казачка,
за кого я не хтила,
Шумить, гуде нагаечка коло мого тїла.

—
Учинила твою волю:
Пишла замужъ молодю!

Биле личко, чорни брови
Досталися лхій долл!
Лихая доля въ корчомци пье, гуляе,
А якъ прїйде до домоньку—
въ головоньку бье....
Я бидна, молодая... нагайко крае:
Нагаечка гротясенька, а я
молоденька....
У тило влпае, кровью закипае,
А ще его серденькомъ називаю.

Чи замужъ ити, ой чи дивувати?
Дивкою гуляй—людьско обмовонько,
А замужъ иди—бидна головонько.

Ой прїїхавъ козаченько зъ поля,
Та привязавъ кониченька біля порога.
Ой взявъ свою миленькую
Зъ рученьку биленькую
Повивъ їи въ компрочку,
Положивъ милу въ постилочку;
Самъ укрився кожухами,
Милу укривъ кулачками;
Самъ укрився свитиною
Милу укривъ дубиною;
Самъ укрився китайкою,
Милу укривъ нагайкою.

Малороссійскій казакъ, посылая сына въ Запорожье, убѣж-
летъ его нежениться такими словами:

Мы жинокъ мусимо любыты,
Такъ якъ нашпкъ сестеръ, материвъ,
А опричь ихъ намъ треба никого не любыты,
И уткаты якъ отъ злыхъ чортивъ.

Бо ты знаешь, мій милый сынку,
Лыцареви (рыцарю) треба воіоваты,
А тобі буде жаль жинку зоставляты.

Да и наше воинское ополчение развѣ не можетъ служить отчасти подтвержденіемъ нашему предположенію?..

Но, при исповѣданіи православной вѣры, рѣшившись вести холостую жизнь, какииъ образомъ Запорожье могло поддерживать существованіе общества? Оторвавшись отъ родины, вынося съ собою горькое положеніе своихъ товарищей или сосѣдей, находящихся въ такомъ же или еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ то, которое они рѣшились оставить, бѣжавъ на Запорожье, выходцы очень легко могли придти къ мысли, что изъ этихъ людей могутъ найтись такіе же недовольные, какъ и они, — люди, также желающіе жизни свободной — независимой. Слѣдовало, значитъ только дать имъ пріютъ у себя, не стѣснять никого ни при вступленіи въ общество, ни при выходѣ изъ него.—А если безпрепятственнаго дозволенія вступать въ общество мало, то можно убѣждать ко вступленію, можно даже брать съ согласія родителей дѣтей и воспитывать ихъ у себя. И дѣйствительно, Запорожцы часто подговаривали дѣтей ѣхать съ ними на Запорожье, хотя впрочемъ тотчасъ отпускали тѣхъ дѣтей, которымъ не понравится жить у нихъ; да и сами малороссійскіе казаки часто убѣждали дѣтей своихъ идти на Запорожье. Такимъ образомъ можно поддерживать существованіе общества и безъ женщинъ. Запорожцы не хотѣли признавать надъ собою контроля королевскаго по любви къ свободѣ, такъ столько ли дорога и пріятна для человѣка жизнь семейная, какъ золотая вольность?!... Зачѣмъ же и заводитъ женъ? кому нужно, тотъ пусть живетъ среди малороссійскаго казачества; свобода и семейная жизнь, при тогдашнемъ положеніи Запорожцевъ, были двѣ вещи несходныя. Одна давала счастье, другая сулила неволю; одна ограждала отъ всякихъ притѣсненій, другая вела къ нимъ.